

Александр Гринь

ИСТОРИЯ БЕЗ
ОТРИЦАТЕЛЬНОГО
ГЕРОЯ

Александр Гринь

История без отрицательного героя

«Издательские решения»

Гринь А.

История без отрицательного героя / А. Гринь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902402-2

Детективная повесть о тонкой грани между добром и злом. «Из каждого человека можно сделать подлеца так, что он и сам этого не заметит...». «В истории нет отрицательных героев, есть — только уроки истории...».

ISBN 978-5-44-902402-2

© Гринь А.
© Издательские решения

Содержание

Еменгулов	6
Владимир	8
Подполковник Семёнов	10
Иван	13
Берёзовское поселение	15
Изольда	18
Иван	22
Изольда	27
Еменгулов	29
Владимир и Изольда	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

История без отрицательного героя

Александр Гринь

© Александр Гринь, 2018

ISBN 978-5-4490-2402-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Еменгулов

Когда он снова начал что-то чувствовать, то обнаружил, что лежит в ледяной грязи. Рука потянулась к кобуре. Однако в том можно было не сомневаться, – кобура была расстегнута и пуста. Несколько секунд он прислушивался к голосам. Говорили двое. Скорее всего, валялся он тут недолго, – минуты две-три. Он попробовал приподняться.

– Подпёрся сука! – молодой паренёк лихо помахивал револьвером, устремляя дуло на Еменгулова. Ну с этим – всё ясно. Тогда Еменгулов искоса пригляделся к тому, который стоял на крыльце конторы. В сумерках было плохо видно, вроде, этот немолодой и держится спокойней, значит – главный. Еменгулов стал дышать на пальцы, согревая и разминая руки. Встал медленно. Почувствовал, что ушанка набухла от крови. Всё было задумано и сделано просто, как коровье мычание, один шумнул со стороны, а другой – из-за угла – по башке дубиной. Приём – простой и надёжный. Эти из уголовного барака, он даже узнал их, лица не прячут, стало быть, в живых его не оставят. Почему-то до сих пор не добились? Значит, не это главное.

Теперь он заметил, что они ключи из его кармана достали и контору вскрыли.

– Слышь, начальник! – нетерпеливо позвал главный, – иди сундук открой.

– Быстро, гнида! – заорал паренёк, надеясь посильнее испугать.

Еменгулов ответил матом и охнул от пинка, молодой целился под рёбра.

Опрокинулся на бок. Знал, что ударит, потому успел дёрнуться. Удар больше по плечу пришёлся. Пускай бьёт. Главный глянул на пацана и отобрал револьвер. Для Еменгулова это несколько ухудшало ситуацию, хотя и не делало её полностью безнадёжной. Лишь бы он сразу не начал стрелять, требуется ещё секунд тридцать.

Главный медлил. Что-то у них не ладится, сразу догадался Еменгулов. Про сундук говорят, сундук, надо понимать, это – конторский сейф. Сейф им нужно, стало быть, вскрыть обязательно, а старенький замок опять заело. Вряд ли они на грабёж отважились ради содержимого. Там их могут интересовать только спирт и несколько револьверов. Ради этого всего на убийство идти глупо. Спирт скоро кончится, а револьвер в зоне кроме неприятностей ничего не доставит. Самое опасное оружие в зоне это нож, заточка. Незаметно тык, – и нет человека. Ищи потом, кто на такое сподобился. Думай, думай скорее, подгонял он себя, стараясь не прислушиваться к боли, произрастающей из глубины головы. Может, убежать пытаются? Тогда – совсем глупость. Револьвер в тайге вещь почти бесполезная. Ни лося, ни кабана там из него не застрелишь. Тем более, что сто пятьдесят километров по тайге за ночь преодолеть невозможно даже с револьвером. Да и погоня начнётся сразу, коль засветились. Здесь явно что-то другое.

Еменгулов покачался и упал на четвереньки. Встал, сделал несколько шагов и, застонав, снова упал.

– Я идти не могу...

– Шкворень, помоги начальнику, – приказал главный, – быстро, быстро!

Вид перепачканного грязью и еле двигающегося Еменгулова добавил им наглости. Матерясь, дюжий Шкворень рывком поставил Еменгулова на ноги. Это была уже вторая ошибка. Первая состояла в том, что они его сразу не добились. А, ведь, наверняка, начал догадываться Еменгулов, на этот счёт самую серьёзную инструкцию получили. Да так бы и сделали, если бы дверцу сейфа не заело. А сейф им надо вскрыть обязательно, чтобы на ограбление было похоже. Вот, в чём дело!

Теперь Еменгулов знал, что шансы его растут с каждой секундой, и он уже решил, что делать. Он повис у паренёка на плече, дал подвести себя к крыльцу. Медленно, раскачиваясь, как от слабости, начал подниматься по ступеням. Подождал, чтобы Главный подошёл сзади поближе. Расчёт его оправдался, он ощутил несколько угрожающих толчков дулом в спину. Значит он сзади – близко. Это была вовсе – удача.

Еменгулов рванулся, оказавшись у паренька за плечами, и схватил его за шею. Тот дёрнуться не успел. Выхватив из рукава нож, Еменгулов стремительно и сильно резанул Шкворня лезвием по лицу; брызнула кровь.

Шкворень заорал, задёргался. Еменгулов держал крепко.

Главный вздрогнул, увидев кровь на перекошенном лице своего напарника, отступился назад со ступеньки, едва не споткнувшись, и вскинул руку с револьвером. Шкворень сучил ногами, пытаясь обрести равновесие. Не успел. Еменгулов резко взмахнул рукой с ножом и Шкворень начал оседать. Револьвер в руке Главного звонко щёлкнул без выстрела. Тогда Еменгулов прыгнул на бандита с крыльца прямо через паренька, завалившегося на бок. От резкого толчка в грудь противник потерял равновесие, Еменгулов легко опрокинул его, прижал коленом руку, сжимавшую револьвер, и несколько раз ударил ножом.

Еменгулов умело выкрутил револьвер из судорожной руки бандита, и подскочил к стене конторы. Правильно догадался, – так и есть. За углом по тропе во всю мочь удирал третий, тот который на стрёме стоял. Сейчас, гад, и ты своё получишь. Еменгулов прицелился. Ранить или убить? Наверно лучше грохнуть, чтобы шестёрки лишнего не наболтали. А с тузами можно потом разобраться. Из-за недавнего удара руки плохо слушались. Мушка плясала перед глазами. Наконец ему удалось унять дрожь, он целил в середину, грохнул выстрел. Убегавший с разбегу ткнулся навзничь в землю.

Вот теперь, кажется, – всё.

Еменгулов устало оглядел себя; вся телогрейка перемазана грязью вперемешку с кровью. Попытался отряхнуться, но только больше размазал всё это по рукавам. Поморщился, подумав, что глупость делает, и, держась за голову, побрёл в контору.

Когда разгорелась керосиновая лампа, увидел ключ, на пол-оборота застрявший в замочной скважине огромного сейфа, который начал ржаветь ещё при царе-батюшке. Рукояткой револьвера несколько раз грохнул как по барабану по дверце сейфа в районе механизма замка и с усилием провернул ключ. Дверца со скрипом открылась.

Давно хотел приказать, чтобы смазали ржавый неподатливый механизм, да всё руки не доходили. Теперь оказалось – кстати. Вот теперь вышло так, что этот механический ржавевший старичок его от смерти спас. Еменгулов усмехнулся, – как лучший друг.

Он вскрыл барабан револьвера. Один патрон в обойме был специально порченный. Именно на этот патрон был установлен механизм, чтобы первого выстрела не последовало, на всякий случай. Пригодилось, раз в жизни, а пригодилось. Переставив барабан в первоначальное положение, Еменгулов бросил револьвер на полку и захлопнул дверцу.

Суки! Мелочь их подвела. Но, стало быть, мы ещё повоюем.

Владимир

Заканчивалась осень одна тысяча девятьсот сорок третьего года. Радио голосом бесменного диктора Левитана вселяло в советских людей надежду на скорые перемены к лучшему. Не только потому, что Советская армия повсеместно теснила фрицев. Неистребимая надежда прорастала из тайников души человеческой, но война продолжала безжалостно сыпать в семьи казённые похоронки.

Однако всё же общее настроение складывалось скорее из побед на фронте, чем из многочисленных личных трагедий, и поэтому Владимир ещё острее переживал неожиданный и, как ему казалось, несправедливый поворот в своей начинающейся биографии. Вместо того, чтобы ехать на фронт, где свершалось событие опасное, волнующее и грандиозное, он тащился на перегруженном грузовике по глухой уральской тайге. Молодость младшего лейтенанта, замешанная на патриотизме, не страшилась войны. Гораздо хуже героической смерти представлялась нынешняя перспектива, – служба в глубоком тылу в охране тюремной зоны.

В полусонной одуре, куда он иногда погружался по дороге, ему чудилось, как он расстреливает из автомата разбегающихся немцев, похожих на крыс в длинных серых шинелях. Он желал самой жестокой мести. Однако судьбе было угодно распорядиться по-другому.

О будущем своём назначении он имел смутное представление. Про трудовые лагеря, в которые ссылали разных «врагов народа», мало кто рассказывал. Шёпотом иногда обменивались слухами, кого и когда забрали. Почему и зачем, об ответах на эти вопросы каждый мог догадываться по собственному разумению, веря либо слухам, либо газетам, рисовавшим грандиозный процесс трудового перевоспитания «несознательных элементов». Владимир добросовестно пытался убедить себя в том, что все тяготы лагерной жизни в глухой уральской тайге будут иметь какое-то высшее государственное значение, но на душе его всё равно кошки скребли.

В районе Владимиру мало, что удалось узнать: в Берёзовское поселение по приказу Сталина свезено несколько тысяч обрусевших этнических немцев, предки которых поселились в России ещё во времена царствования царицы Екатерины, да несколько сотен уголовных элементов. Официально было объявлено, что эта мера в условиях войны с Германией поможет избежать «этнических конфликтов» в местах немецких поселений. Но, скорее всего, как понимал Владимир, изоляция мирных немцев имела целью предотвратить их возможное массовое предательство и переход на сторону врага. Если думать о государственных интересах, то – мера вполне логичная. На сколько, – Владимир не задумывался. Поэтому как-то самой собой в его понимании сложилось, что если эти немцы могут быть шпионами и предателями, то они уже шпионы и предатели. Не зря же их сюда ссылают. И вот теперь появилась забота их тут охранять. Вместо того, чтобы защищать Родину так, как это требует совесть и воинский долг. Чёрт бы их побрал!

Трудовой лагерь производил ружейную болванку для винтовок и автоматов. Командуют лагерем два начальника. Один – по хозяйственной части – майор Еменгулов, другой – подполковник Семёнов осуществляет надзор по линии государственной безопасности.

Выведал он это всё у одного офицера, с которым он в конторе госбезопасности ожидал окончательного назначения. Тот сообщил по секрету, что начальник, который из госбезопасности, несколько странноват, поскольку не любит пределы лагеря покидать, только – по необходимости. Хотя другие офицеры всегда рады любой причине выбраться в район, чтобы разнообразить лагерную скуку. Ещё Владимир узнал, что немцы-переселенцы вели себя тихо и особых хлопот никому не доставляли. От голода и морозов погибали тихо, не убежали и не бунтовали.

Вот, собственно, и всё. Приказ получен, надо его выполнять. Владимир, как комсомолец, честно пытался вырастить в себе убеждение в необходимости и оправданности слепого под-

чинения военным приказам. Но, как только он начинал думать на эту тему, ему вместо правильных мыслей о воинском долге мерещились длинные ряды колючей проволоки, за которой стояли толпы полуголодных людей со злыми и усталыми взглядами.

Надеясь заглушить сомнения, он попытался разговорить шофёра.

Но не тут то было. Вертлявый человечек, напряжённо забалтывал всё время их совместного путешествия. Эх, чёртова дорога! Главное, – чтобы колёса не отвязались.... За этим стояло настороженное отношение к чужаку. Владимир это понял и прекратил попытки развязать беседу.

Он начал вспоминать недавние события – последние дни его пребывания в военном училище, пытаясь понять, в чём же он ошибся. Он заметно выделялся из общей массы своих сверстников даже ростом. К тому же – секретарь комсомольской организации военного училища: получалось, что именно за это судьба его и наказала. Эх, теперь думал он, не надо было высовываться. Ох, не любит этого природа!

Однако напрасно он пытался обвинить себя в своём нынешнем положении. Всё он делал правильно и добросовестно, по долгу, по-человечески. Увы, часто неясные внешние силы определяют водоворот человеческих судеб.

Самым навязчивым воспоминанием был эпизод, когда его вызвали в кабинет начальника училища.

– Вы направляетесь по спецраспределению, – говоря это, полковник упёрся кулаками на стол, глядя Владимиру прямо в глаза. Стало быть, протестовать не уместно и опасно. Решили это где-то наверху, значит, всё – серьёзно. Оставалось только – «слушаюсь», вот и всё. Теперь вместо фронта придётся тосковать на дежурствах в уральской глухомани.

Чёрт, ругал он самого себя; можно ли теперь жаловаться на судьбу? Ведь комсомольская работа нравилась ему тем, что создавала привкус сладкой значительности, льстившей молодому самолюбию. Вот он и «загрел» по какому-то там «спецраспределению», – не повезло.

Грустные мысли покидали его лишь временами, когда машина, натужно взревев всеми своими лошадиными силами, выкатывалась по ухабистой дороге на очередной косогор. Тогда казалось, природа задумала здесь от горизонта до горизонта изваять грандиозный мир исполинов. За вершинами деревьев по сторонам открывались огромные сопки и скалы, покрытые ключьями тумана. Лиственницы и ели, как воины в рукопашном бою толпились гурьбой у их подножий. Самые отважные корявые богатыри, словно атакуя непреступную крепость, взбирались на вершины утёсов, оставляя нетронутыми лишь совсем отвесные гранитные бока, отполированные вечностью. Но даже лысый гранит не всегда мог противостоять натиску жизни. Недоступное деревьям кое-где покрывалось кустарниками, на худой случай – пятнами мхов и какой то разноцветной плесени. Посмотреть на эту плесень вблизи – обыкновенная грязь, то серая, то с красноватым или лиловым отливом. Только издалека крашенные этой грязью скалы удивительным образом приобретали смысл торжества и вечности жизни.

– Как памятники! – Владимир, привыкший к городским и умиротворённым сельским пейзажам, не смог удержать восторга, кивнул в сторону очередного нагромождения древних скал.

Шофёр мельком покосился на него, кивнул, изобразив почтительное понимание, но ничего не ответил.

Подполковник Семёнов

К вечеру они подъезжали к посёлку. С высоты последнего пригорка Владимир заметил невдалеке несколько десятков скучившихся бараков с узенькими прорезями окон. Ощущение сказки, навеянное тайгой, не сразу отпустило его. Издалека в наступающих сумерках серые приземистые строения показались ему похожими на огромных хищных зверей, злых и униженных колючей проволокой, которая опутывала их унылую стаю со всех сторон. Но, может быть, так показалось из-за общего своего нынешнего настроения.

– Там контора. . . , – буркнул шофёр, неопределённо махнув рукой в сторону, и, когда Владимир спрыгнул с подножки, поспешно газанул, выплеснув на сапоги Владимиру струю грязи из разбитой колеи. Твою мать! Разозлился Владимир. Что ж так не везёт! Отряхнувшись, закинул вещмешок за плечо и побрёл по обочине по направлению к самой большой избе с красным флагом над крыльцом.

По дороге остановился и оглядел сапоги. Они выглядели так, словно он протопал двести километров по тайге, а не на машине ехал. Так к начальству идти нельзя. Пришлось вырвать пук мокрой осенней травы с обочины и тщательно вычистить сапоги от налипшей слякоти. Он прополоскал их в небольшой и холодной лужице, притаившейся в траве, потом достал тряпочку из вещмешка и насухо вытер кожаную поверхность. Ухоженные сапоги заблестели как две ёлочные игрушки. Вот теперь – хорошо.

Огромное тёмное здание местной конторы встретило его смесью запахов начинающей плесневеть древесины и дыма. В широкой комнате, уставленной шкафами и столами, чувствовалось тепло натопленной печи.

Пробравшись вдоль стены сквозь тёмные сенцы, Владимир нащупал ручку внутренней двери. Отворил и стал на пороге, разглядывая внутреннее содержание горницы с четырьмя столами, заставленной шкафам. Здесь же его встретил хмурый на вид, крепкий, хотя и пожилой мужик, обутый в валенки и в телогрейке, накинутой на плечи. Владимир, не заметив на нём воинских знаков различия, всё же сразу почувствовал начальника. Судя по описаниям, привезённым им из района, это, скорее всего, подполковник Семёнов – главный здесь по госбезопасности.

Владимир, согласно уставной церемонии, звонко представился и попросил разрешение войти.

Он не успел подробно разглядеть этого человека, заметив мельком лишь широкое скуластое лицо с тонкими губами и крупным носом, короткую военную стрижку с уверенной проседью. Ему пришлось быстро отвести взгляд, когда его заметили. Лицо Владимира и начищенные сапоги его Семёнов рассмотрел откровенно и прямо, и не торопясь также неспешно выдвинул ящик из стола. Достал небольшую папку, открыл её, пролистнул несколько документов:

– Твоё личное дело. Владимир Журавлёв, – отличник боевой и политической подготовки. Секретарь комсомольской организации. Направлен к нам по спецраспределению. Всё так?

В интонации слышался скрытый смысл, который невозможно было в уловить в точности. То ли угроза, то ли ирония, то ли похвала. Владимир подтвердил, поборов желание вытянуться ещё прямее перед человеком, в привычке у которого – умение так задавать вопросы.

Подполковник сунул папку обратно в ящик. Затем откинул телогрейку на спинку стула и, словно, потеряв интерес к Владимиру, присел к печке, чтобы заняться дровами.

Владимир осмелился скинуть вещмешок с плеча себе под ноги.

Повозившись с печкой, подполковник устроился на большом, покрытом шкурами диване, коротко приказал:

– Садись. . .

Владимир растерянно огляделся. Куда садиться то? Присесть можно было либо на диван, рядом с подполковником, либо на стул за большой конторский стол, стоявший посередине комнаты, либо на единственную табуретку, одиноко прислонившуюся к стене. На ней ему пришлось бы чувствовать себя весьма неловко, как перед расстрелом. Спросить что ли, куда сесть? Дурацкий будет вопрос.

– Ну..., – поторопил подполковник, угрюмо разглядывая замешательство младшего лейтенанта.

Владимир подумал, уверенно взял табуретку и перенёс её поближе к дивану, чуть сбоку. Сел. Затем попытался принять позу посвободнее, но не придумал, как это сделать на табуретке. Опустил локти на колени. Стало неудобно, словно он молиться собрался. Тогда он выпрямился и положил ладони на колени. Почувствовал, что так – лучше.

– Ну, что, лейтенант, – сказал подполковник после того, как Владимир перестал ёрзать, – поздравляю тебя с началом службы, хотя, могу догадываться, ты не в восторге от назначения.

– Военный человек должен подчиняться приказам, – осторожно ответил на это Владимир и осмелился второй раз украдкой заглянуть в лицо подполковника.

Семёнов теперь добродушно и насмешливо прищурил глаза и, как показалось, опять скользнул взглядом по вычищенным сапогам младшего лейтенанта.

– Так, но думать тоже приходится иногда, – задумчиво ответил Семёнов, – главное запомни. Зона так устроена, здесь надо всё, что возможно у людей отобрать и запретить. Вот только тогда у них мысли сразу становятся простые и правильные, где поесть и подольше поспать. Вот это самые хорошие, основные и надёжные мысли, и самые полезные для общего дела. А если будешь по-пустому с людьми церемониться – всем навредишь, а себе – больше всех.

Не то ожидал услышать удивлённый Владимир. По неписаным традициям старший по званию начальник, тем более при первом знакомстве с подчинённым, должен был бы за столом сидеть, а не на диване и говорить только лозунгами политпросвета. Например, сначала – о тяжёлых боях, которые ведёт Социалистическое Отечество, а потом от общих задач перейти к конкретным его, Владимира, служебным обязанностям. Будучи секретарём комсомольской организации в военном училище, сам Владимир именно так привык поступать в таких случаях. К чему эта странная философия? Подполковник в упор разглядывал Владимира, словно ожидая ответа.

Сказать было до неприятности нечего. Поэтому, изобразив на лице почтительное внимание, лейтенант предпочёл за благо ничего не отвечать. Рассудил, что, во-первых, молчание – то ли знак согласия, то ли несогласия, а во-вторых, – ещё одному правилу он уже научился в комсомольской организации, – сумеешь смолчать, где надо, и – сойдёшь за умного. Если, конечно, сумеешь. Хорошо и вовремя смолчать иногда премного труднее, чем подходящие слова найти. Но подполковник упрямо ждал. Может, я что-нибудь не так сейчас делаю, начал сомневаться Владимир.

В этот момент, жалобно скрипнув, отворилась потемневшая дверь, и в контору вошли три офицера, один из которых был невысокий майор средних лет. Ушанка держалась на его голове сбоку, не закрывая целиком свежую марлевую повязку на лбу. Тут вовсе сомневаться не приходилось, судя по раскосым глазам, это был начальник зоны по хозяйственной части – майор Еменгулов. Еменгулов глянул сначала на вскочившего Владимира, потом перевёл взгляд на подполковника.

– Принимай, майор, пополнение, – ответил на его вопросительный взгляд Семёнов.

Еменгулов Владимира долго не разглядывал:

– Завтра – быть здесь в пять – тридцать! Идите, устраивайтесь в казарме.

Еменгулов проследовал внутрь конторы, а Владимир козырнул и развернулся и вышел в холодеющие осенние сумерки.

Итак, знакомство с начальством состоялось. Хорошо, или плохо получилось? Одно ясно, – повезло, что сапоги почистил; Семёнову это явно понравилось. Может, оно – и ничего, окончательно решил Владимир по дороге в казарму, ободрённый этой пусть мелкой, но удачей. А где тут у них казарма? Ладно, поживём – увидим.

Иван

Длинная бревенчатая казарма для офицеров располагалась недалеко от конторы. В комнате, куда отвёл Владимира дневальный, обнаружили две некрашенные тумбочки, наспех сколоченные каким-то местным умельцем, две узкие деревянные кровати того же происхождения и печка—буржуйка. Пустая койка располагалась слева от окна, а на той, что справа, скинув только сапоги, возлежал поверх одеяла долговязый офицер, с которым ему теперь, очевидно, предстояло делить незатейливый быт казарменного соседства. На взгляд был он постарше Владимира лет на десять.

Владимир с интересом разглядывал необычный антураж; на подоконнике и самодельной полке, прикреплённой к стене, толпились толстые и тонкие книжки. Некоторые неровной стопкой лежали на тумбочке.

Познакомились, и пока его новый знакомый возился с большим прокопченным чайником, Владимир рассматривал всё его книжное богатство. Странная это была смесь. Рядом с Пушкиным и Достоевским ютились труды по паталогоанатомии и математике, горному делу и астрономии, которые не просто так стояли рядом, а были заложены закладками из газетной бумаги на разных страницах.

Этот высокий человек, неловко гремевший чайником, сутулившийся не по-военному, совсем мало соответствовал представлениям Владимира о тюремной зоне. Они немного посидели за чаем, и Владимиру пришлось рассказать свою нехитрую биографию. Иван почему-то рассказал меньше; он здесь – уже два года, бывший студент.

Скоро прошла неловкость любого первого знакомства, и Владимир, соблюдая приличия, сказался усталым, оно и действительно так было, и повалился отдыхать. Нары, сколоченные из грубых досок, были жестковаты, матрас, набитый сеном, припахивал плесенью. Однако после утомительной тряски на грузовике счастьем было бы и на простую лавку повалиться.

– Свет не помешает? – вежливо спросил Иван.

Владимир в тон ему ответил, что про такую ерунду можно не спрашивать. Иван поставил коптилку у изголовья на табуретку и повалился на свою койку, прихватив какую-то книжонку.

Хороший мужик, точно подружимся, решил Владимир.

– У вас тут тоже стреляют? – поинтересовался Владимир, щурясь на огонёк коптилки, который в полумраке казался ослепительно ярким.

– Почему решил? – спросил лейтенант.

– Я когда в посёлок прибыл, так сразу на начальников попал. Еменгулов, как мне показалось в голову раненый.

– А! Третьего дня уголовники напали. Трахнули по башке дубиной.

– Это как?

– Собственно мало, что известно. Он их всех умудрился завалить. Кого ножом, кого – пулей. Больше ничего не рассказывают.

– И часто тут такое?

– Нет, не очень. Хотя и случается, всё-таки – зона. Уголовники, бывает, ссорятся с немцами иногда до крови.

– А другой начальник по госбезопасности всегда такой странный?

– Семёнов? – загадочно усмехнулся лейтенант, – так, значит, по душам успели поговорить? Присесть, наверное, предлагал?

Владимир начал думать, что бы это значило.

– Ты куда сел на диван или на табуретку? – ухмыляясь, прищурил глаз Иван.

Владимир не сразу догадался.

– Ну, табуретку приставил поближе к дивану и сел, – буркнул он растерянно.

– Правильно, – с довольным видом похвалил Иван.

– Правильно?! – возмущённо встрепенулся прозревший Владимир. Вот, значит в чём причина столь странного поведения подполковника, – у вас тут, стало быть – проверка на «вши-вость». Это всех тут так «проверяют»?

– Да, ладно, не кипятись, не всех одинаково, но – похоже. Тебе ещё повезло, – самый простой вариант попался...

– Что это всё значит?

– Не мучайся особенно, всё – просто. У Семёнова это вроде экзамена души. Рядом сядешь, значит, дурак, далеко сядешь, значит, – трус и мелочь. Человека сразу видно по тому, как он сидит и как здоровается. И первое впечатление часто оказывается самым верным, хотя и не всегда. Если в том встречаются редкие особенности, то они, как правило, чем-то весьма интересны. Ты, стало быть, всё правильно сделал, а по сему – не беспокойся. Теперь ты, так сказать, первое время будешь на хорошем счету, а это – важно. Но будь с ним поосторожней, он милость на гнев меняет моментально, а гнев на милость – никогда.

– Зачем ему моя душа?

Иван поглядел на него, приподняв голову над подушкой.

– М-да, действительно, – сказал он, – ладно, спать давай, – и отвернулся.

Завтра же напишу рапорт, чтобы на фронт отправили, зло решил Владимир.

Берёзовское поселение

Наутро он начал выполнять обязанности. Работу поручили не трудную, но скучную. Сидя в тёмной конторе, приходилось переписывать обветшалые регистрационные карточки. Разбирал и подшивал накопившиеся накладные на различные «материальные ценности». Помогал ему в этом старый сухощавый немец в круглых сильно плюсовых очках из числа переселенцев – бывший бухгалтер, который, обладая в том солидным опытом, делал работу намного быстрее и лучше. Ганс, показалось, даже обрадовался, когда Владимир, быстро сообразив, что – почём, сбросил на него всю эту писанину.

Владимир за нескольких дней перезнакомился с офицерами. Многие нарочно заходили в контору, чтобы поглядеть на новичка. Выяснив «как звать?» и «откуда родом?», сразу по секрету сообщали, что Владимиру повезло с назначением. Должность по учёту считалась козырной, после которой обычно скоро следовало повышение по службе и в звании. Затем новые друзья приглашали как-нибудь вечерком «посидеть», намекая на выпивку. Тем первое знакомство и ограничивалось. Однажды Владимиру пришлось поучаствовать в офицерских посиделках; папиросный дым коромыслом и самогон. Не понравились ни самогонка, ни разговоры. Но согласно ритуалу стал он теперь своим парнем. Не мямлил, не стеснялся. Баек сам хотя и не травил, но чужие – слушал и вовремя веселился.

Немцы-переселенцы, голодные и измождённые ежедневной непосильной работой, испуганно глядели на любого человека в погонах. Люди как люди, пригляделся к ним Владимир. Трудно было поверить, что они способны кого-нибудь предать или убить. Многие из них имели среди охранников и «хороших» и «плохих знакомых». Как, впрочем, и наоборот. Конечно, в душу к каждому не залезешь. Сегодня он от тебя взгляд прячет и лыбится, а завтра придёт случай, так он схватит автомат, да в тебя же очередь всадит.

Владимир в первые дни любил развлечь себя болтовнёй на немецком языке со старым Гансом. Поначалу это забавляло, но потом Владимир стал тяготиться этим вынужденным соседством. У Ганса оказалась дурная привычка бормотать полусшёпотом текст, который предстояло написать. Сама по себе привычка, вроде бы, безобидная, не на что сердиться. Однако радости в том было мало, бормотание либо раздражало, либо навевало сон.

Этот престарелый Ганс имел счастливый для своего рода деятельности талант, – умел кропотливо и настойчиво выполнять нудную бумажную работу. Когда Владимир сам пытался так же внимательно складывать цифры и переписывать бумажки, уже минут через десять к горлу подступала тошнота, и голова начинала кружиться. От этого цифры путались, и приходилось несколько раз пересчитывать «столбики», из-за чего тоска становилась вовсе невыносимой. Ганс подсчитывал всё только один раз и всегда безошибочно, даже находя в том для себя странное для простого человека удовольствие.

Как выяснилось, до войны Ганс работал в бухгалтерии огромного завода, где его ценили за необыкновенное умение считать в уме и запоминать цифры. С началом войны органы госбезопасности «брали» его на всякий случай прямо с рабочего места раза три, но затем отпускали по ходатайствам дирекции. Но всё равно после известного указа Сталина безобидный старик был арестован и оказался в Берёзовском поселении, где ему теперь предстояло трудиться под «контролем» младшего лейтенанта. Какой, к чёрту, тут может быть контроль? Дилетанта послали контролировать испытанного профессионала.

Однако старого бухгалтера это несколько ни смущало. По его разумению это составляло обычный порядок вещей. В его натуре стойко укрепилось предположение, что любой начальник нужен только для того, чтобы быть строгим и всех ругать время от времени для поддержания общего порядка. Тогда и дело пойдёт. Но не более. Чем меньше начальник знает и вмешивается в непосредственную работу, – тем лучше. За годы своей службы при советской власти

он ни с кем не ссорился и не высовывался понапрасну. Поэтому был любому начальству всегда угоден и удобен, за что его ценили. Однако далеко по службе он не пошёл, может быть, по мягкости характера. Но, скорее всего, дело было в другом. К представителю немецкой нации, свободно разговаривающему на языке далёких предков, высокие начальники относились с опаской, и в должности повышать не торопились; как бы чего не вышло. Затем вовсе отправили этого немца от греха подальше.

Тем не менее, Ганс к своему нынешнему положению относился безропотно. При всех своих злключениях оставался он убеждённым коммунистом с большим партийным стажем, свято верившим в мировую революцию и в скорое общее коммунистическое счастье на земле. Владимир, хотя и сам был по-военному воспитан на лозунгах политпросвета, но иногда сам не зная почему, слегка смущался от этой его слишком по-детски беззаветной веры.

Начальник зоны Еменгулов порядки установил суровые, за проступки наказывал просто; за одного – всю бригаду. Тогда порядок поддерживался естественным образом; сами же трудармейцы друг за другом следили. Случалось, доносили друг на друга, пытаясь выслужиться, чтобы пристроится поближе к кухне или больничке. Однако блатные следили за этим усердием и могли заточку в бок сунуть тому, кто уж слишком ссучился.

Еменгулов не брезговал собственноручно вдарить кому-нибудь по скуле для порядка. Силищи в его коренастом и суховатом теле водилось, как у быка. Если бил со старанием, то провинившийся, затем, едва поднявшись на четвереньки, долго выплёвывал окровавленные осколки зубов. По понятиям этот мордобой считался правильным и справедливым, и поэтому его боялись, хотя он никого без особой нужды всё-таки старался не обижать. Со всех спрашивал работу одинаково строго. Поэтому работягам казалось легче выполнить, что полагается, чем оказаться избитыми в кровь.

Владимир вечерами успел написать несколько писем на фронт старым друзьям по училищу. Хотя некоторые из писем не отослал, поскольку, перечитав их с утра, обнаружил, что слишком откровенно жалуется на судьбу. Впрочем, и на другие письма он не очень надеялся получить ответ. На всякий случай он по правилам оформил «прошение на фронт» и решил ждать результатов.

Потянулись дни, которые стали бы скучными, если бы Иван не подсунил Владимиру пару книг из своей библиотеки. Книги эти он выменивал в районе на тушёнку. За одну банку у изголодавшихся людей можно было выручить целый мешок всякой бумажной всячины. И – в старинных переплётках, и довоенных изданий. Некоторые книги были уже без первых или последних страниц; у прежних хозяев на самокрутки разошлись. За несколько лет у него накопилась солидная библиотека. Много книг растащили у Ивана друзья офицеры тоже на разные бумажные надобности. Иван по поводу этого вандализма переживал, но смирился со временем. Всё равно, пополнялась его библиотека скорее, чем расходовалась. И книги тем, кто просил, он всё-таки выдавал, иногда скрепя сердце.

Сначала Иван подсунул старенький потрёпанный томик «Робинзона Крузо», потом – «Сквозь тайгу» Арсеньева, и мир для Владимира раскололся надвое. Реальность была скучна и обыкновенна, а романтический вымысел был наполнен волнующими событиями, красивыми и отважными людьми, жадной жизни. В отсутствии других развлечений в зоне сладкое чтиво особенно захватывало. Иногда, начиная одну книгу утром, Владимир уже заканчивал её к вечеру и брался за другую. Владимир таскал с собой книги на дежурство либо за поясом, либо за пазухой и, если только условия позволяли, спешил украдкой, чтобы начальство не заметило, «приложиться» к строчкам. Иван намеренно подсовывал ему книгу за книгой так, чтобы не ускользало ощущение «развлекухи».

За этим незаметно прошли первые недели его службы в Берёзовском лагере.

Однажды, возвращая Ивану томик Джека Лондона, Владимир заметил:

– Слушай, а то наш «кум» подполковник Семёнов похож на...

– На «Волка Ларсена», – засмеявшись согласился Иван, и на следующий день вручил Владимиру «Преступление и наказание» Достоевского.

– Это ты это меня для чего воспитывать вздумал? Это же очень скучно, я в школе читал, – попытался отмахнуться Владимир.

– В школе, скорее всего, ты совсем не то читал, – усмехнулся Иван.

– Как это, не то?

– Теперь увидишь, – заинтриговал Иван.

Владимир пожал плечами и решил довериться. Тем более, что простая романтическая событийность, которая поначалу была сладка, честно говоря, стала слегка приедаться от бесконечных повторений одного и того же в разных вариациях; всегда – только любовь на фоне борьбы только хороших людей только с плохими на фоне тяжёлых жизненных обстоятельств. Всё это понятно, только на истинную жизнь похоже лишь в первом приближении.

И тогда друзья поспорили почти до ссоры.

Дело было вечером перед отбоем. Владимир дочитал и заявил, что «ерунда всё это» и даже слегка хлопнул увесистым томиком по столу перед удивлённым Иваном.

– Чего ерунда? Достоевский ерунда?

– Ну, и что...

– Достоевский?!

– Что ты заладил! Достоевский... Достоевский, – вслед за Иваном распалился Владимир, – ты сам посуди, этого Раскольникова даже жалко. Убил, понимаешь, старуху – процентщицу. Экий молодец! Так это же убийца кровавый, мерзавец, палач! Таких нервных сук давить надо, а не сопли разводить вокруг содержания его богатого внутреннего мира! Да, где твой Достоевский такого убийцу видел?

Иван озадаченно хмыкнул и начал пространно мямлить про «модификацию морали», про творческие методы в литературе. Владимир не стал долго это слушать:

– Я понимаю, – подразумеваешь разницу в развитии, – он постучал пальцем себе по лбу, – только не убеждай меня в вещах очевидных, Иван. Напридумывал твой Достоевский лишних проблем, которые сейчас мало кого волнуют. Да ещё пишет так длинно и скучно. Может, в его время всё это вызывало интерес у таких же, как и он, сумасбродов, а сейчас всё проще и быстрее. Эпоха не та, и люди изменились. Сейчас, если ты вор, предатель, убийца, значит – враг. Достоин – лишь общенародного презрения и смерти. И зачем тут ещё какую-то философию разводить, если дело и так яснее ясного?! Отстал от жизни твой Достоевский. И вообще, правду ли он пишет? Сам посуди, нормальный бы грабитель барахло бы продал и дал дёру. Потом всё бы прокутил и опять – на дело с топором. А этот всё ходит и мается. Всё это, знаешь, не по жизни. Если ты нормальных уголовников не видел, так сходи, посмотри, вон у нас в зоне целый барак. Где ты там Раскольникова сыщешь?

Иван больше не стал спорить на эту тему. Но видно было, что он, хотя и удивлён таким напором необычных откровений, но, вместе с тем, не сильно ими обижен.

Изоolda

Порядки лагерной жизни для Владимира скоро стали превращаться в привычки. Сидеть в конторе было тоскливо, и он с охотой брался за разную случайную работу. Однажды, подменяя прихворнувшего офицера, ему поручили участвовать в регистрации трудармейцев, прибывших с очередной колонной.

Людей, перемерзших от мучительных переходов и переездов на конных подводах, согнали на плац перед конторой на только что выпавший снег и начали по одному загонять в контору. К началу зимы холодина завернула всерьёз с морозцем и пронизывающим ветром. Переселенцы, те кому повезло уцелеть после этапа, толпились, то и дело налегая друг на друга, чтобы скорее попасть в тёплое помещение, чтобы потом оттуда скорее попасть в кое-как натопленный барак. У самых перил конторы перед входом едва не разгорелась драка. Охранники в дублёнках и тёплых валенках с матерщиной расталкивали полуживых людей, махая винтовыми прикладами. После нескольких вскриков тех, кому досталось, наконец, воцарился порядок. Люди стали по одному заходить в контору, не отесняя стариков и женщин.

В конторе, восседая напротив обледеневшей с краёв двери, словно на троне, за огромным дощатым столом, встречал переселенцев немолодой уже старшина, обрита голова которого сильно походила на сырую картофелину с большими растопыренными ушами. Он сидел, сжимая карандаш узловатыми пальцами потомственного крестьянина, ставил галочки в списке. Боком у стены стоял длинный стол. За ним, поближе к полыхающей от набитых сосновых дров чугунной печке пугающе восседала комиссия, в которой кроме Владимира были ещё два рослых офицера. За отдельным столом сидел начальник лагеря майор Еменгулов.

Процедуру эту и «комиссию» придумал сам Еменгулов. Особых забот у комиссии не было, – только сидеть и глядеть. Заходя внутрь помещения, трудармейцы, скользнув взглядом по обстановке, конечно, робели от комиссии и, случалось, отвечали на простые вопросы невпопад. Но после комиссии каждому трудармейцу каким-то волшебным способом становилось ясно, что делать и как дальше жить. Еменгулов всё правильно рассчитал.

Внутрь пропустили молодую женщину в стареньком демисезонном пальто. Она размотала складки широкой шали с головы. Владимир глянул в её лицо сначала мельком, а потом с интересом. Несмотря на смертельную бледность и усталость, на холод, разъедающий тело до кости, в чертах её лица чувствовались красота и достоинство, точнее – порода. В чём причина этого впечатления, на этот вопрос Владимир вряд ли нашёл бы, что ответить. Ведь люди очень часто незаметно для себя пользуются ощущениями, источников которых не понимают. Иногда только живописцам удаётся обнаружить нечто в положении губ и глаз, и жестов, выдающее главное в человеке. Но, пожалуй, это слишком малая толика, открывающая природные тайны общения человеческих лиц.

Старшина, набычившись, упёрся взглядом в список перед собой.

– Фамилия! – напряжённо буркнул он.

– Баум Анна, – тихо ответила женщина.

– Какие родственники с тобой?

– Мама умерла на этапе.

– А остальные?

– Отец у меня русский, только мама – немка, поэтому только меня и маму взяли, отца оставили на свободе.

– Подробности не интересуют. Вали на медосмотр, после получишь свой номер! – старшина кивнул в сторону противоположной двери, за которой производили медосмотр, и поставил жирную галочку в бумагах, – следующий!

Женщина проследовала в соседнее больничное помещение. Ни на кого не глядя. Словно не было вокруг неё никаких людей, никаких лиц, а вместо них – только несчастные для неё обстоятельства, которым невозможно не подчиниться.

Владимир вдруг поймал себя на импульсивном желании тут же вскочить и сунуть старшине кулак в морду. Но затем, разглядев суровый вид торжественно неподвижных товарищей офицеров, смутился этих своих мыслей и стал размышлять. И скоро, как и хотел, пришел к очевидному выводу, что грубость в данном случае, видимо, неизбежна, а значит – оправдана, если способствует ускорению всей процедуры. Скорее это не грубость, а необходимая военная суровость, решил он, – умение работать с людьми. Можно было представить, как должны сейчас мёрзнуть люди, ожидая своей очереди в колоннах за пределами вожделенной тёплой конторы. По этому спокойному и здравому разумению он теперь даже позавидовал способностям старшины, поскольку чувствовал, что сам так не смог бы «дело вести». Если входить в сочувствие к каждому, разводить долгие беседы, тогда вся очередь перемёрзнет.

На очередной вызов к столу подошёл худой ссутулившийся старик, у которого руки были перемотаны разноцветными тряпками вместо варежек. Доходяга, решил Владимир; три – четыре болванки за день перенесёт и коньки отбросит. Зря его сюда притащили. Хотя он так и подумал, но теперь ему не хотелось расставаться с удобной для себя мыслью о необходимости военной суровости, которая так мало вязалась с видом этого тщедушного создания. Впрочем, этот старичок и в любом другом месте долго бы не протянул. Не живёт, а мучается. Так зачем ему длить страдания. Жизнь должна принадлежать молодым и здоровым. Вся природа так устроена, значит, есть в том высший смысл.

Так подумал Владимир, и сразу отлегло от души. Сразу затих червячок сомнения, а, может, и не было его вовсе.

Дело спорилось, поскольку старшина умело пресекал все попытки переселенцев что-либо объяснить или пожаловаться. До тех пор, пока в контору не ворвался невысокий кудрявый паренёк в залатанной телогрейке и ногами, перемотанными разноцветными тряпками.

– Фами..., – начал было старшина.

– Я Боря Шуман! – гаркнул хлопчик, тараща глаза, – Дело в том, что я не немец..., я еврей!

– Не орать! – хриплым басом приказал готовый ко всему старшина.

Но не получилось. Боря Шуман продолжал наседать, казалось, у него в животе взорвалась граната, а слова он выкрикивал в пустоту, как разлетающиеся осколки, убеждая, что произошла чудовищная ошибка. Он успел выпалить, что его папа был настройщик роялей в Одессе, которого знал сам Шаляпин. Так папе кличку дали «немец», поскольку настройщик роялей выглядел педантом. Тогда и все члены семьи скоро тоже стали «немцами», раз папа немец. Теперь спросили, где тут немцы, и взяли всех только из-за клички.

– Разберёмся! – хмуро буркнул старшина.

– Да! – обрадовался хлопчик, – правильно, я же объяснял, я же писал, я даже товарищу Сталину писал! Дело в том, что я страшно обожаю товарища Сталина! Это учёный! Это великий учёный! Он всё видит и всё понимает!

И опять начал махать руками. Старшине пришлось грохнуть кулаком по столу.

– Тебе чего, пистон вставили?! Хватит орать, говорю, разберёмся! Иди туда, раздевайся на медосмотр.

Боря отпрянул от стола и быстро полез за пазуху.

– Да, да! Вот тут я всё написал, прошу послать в органы, я всё написал...

Он достал исписанную мелким почерком бумажку, давно потерявшую первозданную свежесть. Окинув взглядом лица охранников и членов комиссии, он осторожно продвинулся боком мимо стола и положил её почему-то перед Владимиром.

– Я страшно обожаю товарища Сталина! – уверил он его с верноподданническим поклоном.

Владимир растерянно кивнул и прижал бумажку ладонью к столу. Некоторые офицеры на это хмыкнули в кулак.

– Быстро! – сказал старшина так, что Боря с перепугу тут же начал скидывать штаны. Обнаружилось, что под штанами и рубашкой Вася для тепла обложен мятыми газетами, перевязанными засаленными медицинскими бинтами.

Старшина хотел позвать следующего, но замешкался, удивлённый доселе невиданной разновидностью исподнего белья. Он встал, подошёл и выдернул одну из газет.

– «Правда»..., – прочитал он название газеты, – Ты, что, дурак! Тут же портреты товарища Сталина печатают.

– Так, – то ж не заметно... Я ж только для тепла ликом к телу привязываю..., – это он сказал, вытягивая очередную газетку откуда-то из «мотни».

Два рядовых охранника, присутствующие при процедуре, не выдержали и в один голос заржали. В принципе за такое отношение к верховному главнокомандующему страны можно было бы и под расстрел угодить. Однако, как себя идиотом не считать, если всерьёз разбираться в тайном смысле одежды еврея Бори Шумана. Поэтому, не удержались от дружного хохота и товарищи офицеры.

– Хорош, балаган разводить! – приказал Еменгулов.

Смех мгновенно прекратился.

– Ещё раз увижу, – пойдёшь в карцер! – старшина для острастки звонко шлёпнул газетой Борю по давно не бритой щеке, из которой кудрявые волосы пробивались словно перья. Судя по тому, как тот сжался, били его на этапе уже не в первый раз. Он начал поспешно отрывать газеты от тела, стараясь выказать приятное начальству усердие. Однако всё это он демонстрировал, глубоко кланяясь в спину старшине, который, зажав мятую газету в руке, направлялся на место. Присутствующие во главе с комиссией опять загоготали во весь голос. На этот раз криво улыбнулся даже Еменгулов.

В этот момент в дверь пропихнули молоденькую девчущку. Первый момент она с испуганно взирала на развеселившихся охранников.

– Как звать?! – привычно сказал старшина, когда стало чуть потише.

– Изольда Браун.

– Иди на медосмотр, – старшина поставил очередную галочку.

Изольда растерянно осматривалась, не двигаясь с места. Бледное лицо её стало ещё бледнее, когда она заметила Борю со спущенными штанами.

– Я не буду тут раздеваться!

Офицеры загоготали пуще прежнего.

– Раздягайся быстро! Чуешь?! – старшина, ощущая весёлое одобрение скучающих старших офицеров, решил покуражиться с дурой.

Изольда не шелохнулась.

– Скидавай лапти, мать твою! – насупив брови, гаркнул старшина, и сально добавил, – а портки – я тебе потом сам помогу!

Охранники опять заржали. Владимир заметил, как дрогнули губы у Изольды. Она стянула с ноги валенок и изо всех сил швырнула его в лицо старшине. Старшина едва успел пригнуть голову.

Девчущка озиралась вокруг с отважным отчаянием обречённого на смерть. Воцарилась общая растерянная тишина. Старшина молча подошёл к девчущке, замахнулся туго сложенной газетой, которую отобрал у Бори Шумана, но не ударил. Не посмел. Она не сжалась.

– Ах ты сука, – исподлобья неуверенно зыряка по сторонам, промычал старшина, не зная, что делать; то ли всё случилось слишком быстро, то ли из-за этих серых глазёнок, которые так жгли, лишая его должной уверенности.

В наступившем безмолвии все как по команде обернулись на Еменгулова. Тот сидел с каменным лицом.

– Давай в карцер её, – строго определил Еменгулов, – к утру образумится.

Старшина махнул рукой, дюжий охранник поспешно схватил Изольду за шиворот и поволок за дверь. Она даже не пыталась сопротивляться, повиснув в его в волосатой лапе, как котёнок. У порога охранник остановился.

– В «холодный», или как? – озадачился он. Это «или как» прозвучало в его устах с грубоватым малороссийским акцентом, похоже на «или како».

Варианта было два. Если – в «холодный» сарай, значит, – могла быть смерть к утру или через несколько дней от обморожения, как минимум, – от воспаления лёгких. Но была ещё и тёплая гауптвахта.

– Сейчас есть кто-нибудь на «губе»? – осведомился Еменгулов.

– Вроде, нет, – неуверенно ответил охранник.

– Вроде, или – точно?

– Точно, – нет, – уверил один из офицеров.

– Что ж, повезло... Тогда тащи её в «иликаку»! – разрядил обстановку Еменгулов.

Опять заготовали. Старшина уже беззлобно поднял валенок и швырнул вдогонку девке, которую отправляли на тёплую «губу». Поддаваясь общему настроению, невольно улыбнулся и Владимир.

Через минуту старшина продолжил регистрацию, словно ничего не произошло.

Владимиру было и весело, как от щекотки, и тоскливо. «Будешь с людьми церемониться, – всем навредишь!» – вспомнил он наставление подполковника Семёнова. Всё, конечно, правильно, только зачем именно ему, Владимиру Журавлёву, надо в этом участвовать. По уму, вроде, всё выходило правильно, а с другой стороны – хоть волком вой. На фронт, на фронт надо проситься! Завтра опять рапорт напишу, отчаянно решил он, оно, глядишь, как-нибудь получится.

Иван

На другой день, перебирая карточки вновь прибывших переселенцев, не представляющих никакой угрозы для советской власти, что было совершенно очевидно, Владимиру опять стали приходиться на ум те самые мысли. Раньше он их стыдился и старался гнать, почитая за «всякий мусор». Однако, очевидно, никогда раньше жизнь его не сталкивала так тесно с чужими трагедиями, в которых он теперь участвовал даже не просто, как зритель, а теперь как действующее лицо и причина. Теперь приходилось дать самому себе какой-нибудь ответ. Иначе... А что, собственно, иначе? Владимир как всегда попытался заставить себя не думать на эту тему. На этот раз почему-то не получалось.

Зачем эти несчастные люди здесь? Неужели для изготовления ружейных прикладов надо отрывать людей от дома, обрекать на полуголодное существование? Хотя, с другой стороны, кому же ещё эту «ружболванку» делать? Разве согласится кто-нибудь сейчас бросить дом родной, чтобы в смутное военное время приехать сюда в тайгу на лесоразработки. Как ещё людей заставить делать то, что необходимо всей стране? Много людишек несознательных, не понимающих государственных интересов. Мелюзга и сивки. На словах то все любят Родину, а как до дела коснётся, так на соседа кивнуть норовят. Конечно же, оправдывался Владимир, любому маленькому человеку не виден высший государственный смысл. Да, конечно, тяжело, люди гибнут. Однако попробуем по-простому рассудить. Зачем товарищу Сталину обрекать на муки стольких людей? Он же не злодей какой-нибудь, чтобы просто так разминивать чужие жизни. Скорее всего, нет сейчас другого выхода. Это же совершенно очевидно. Стране, истекающей кровью в тяжелейшей войне, нужны винтовки. И каждый должен выполнять свой долг перед Родиной на том месте, куда его определили партия и правительство. Поэтому нужны суровые меры. Иначе в войне не победить. Всё тут совершенно логично и правильно заключил он решительно. И почти успокоился, на душе полегчало, но не надолго.

«Изольда Браун, 18 лет, номер Б-3248» прочитал он на очередной карточке. Он вспомнил, с каким отчаянным презрением эта девчушка глядела на охранников после того, как запустила валенком в старшину. От этого опять что-то двинулось в душе. Словно давно знакомый приступ зубной боли накатил. Эта «Изольда Браун, номер Б-3248», она здесь в зоне явно для лесоповала не приспособлена. Её то зачем сюда? Много ли она здесь наработает на сорокоградусном морозе? Погибнет она здесь скоро. И что? Государственным интересам от этого ни жарко, ни холодно. И таких обречённых на постепенное неизбежное умирание Изольд здесь, как минимум, несколько сотен наберётся. Не много, конечно, в масштабах страны, но ведь это люди, чёрт возьми! Кто в этом виноват? Да и виноват ли кто-то? Вконец запутался Владимир.

Проклятые, бестолковые вопросы, на которые нет ответов. Как же другие люди их для себя решают? Или не решают вовсе? Просто бегают себе каждый по своим неотложным делам, чтобы еду и крышу обеспечить. Как знать, чем окружающие люди мучаются, как можно заглянуть в чужую голову, чтобы узнать наверняка? Может просто некогда людям думать. «В зоне у людишек надо всё, что можно отобрать и всё, что можно запретить, тогда у них мысли сразу становятся простые и правильные», опять вспомнил Владимир наставления подполковника Семёнова. Может думать вовсе не надо, а достаточно просто «мыслить»? Только получается и самого себя надо иметь ввиду для этого рецепта. У себя, прежде всего, способность думать отобрать, и себе, прежде всего, думать запретить. Как же так получается? Хотя, конечно, можно и по-другому дело повернуть. Одно дело – долг, другое дело честь. Долг это и есть честь, или эти вещи бывают противоречивы? Или и то и другое – просто химеры, от которых пользы никакой, а правит всем только жестокий рациональный смысл. У кого такое можно спросить?

Господи, какой мусор в башке, попытался успокоить себя Владимир. Но почему-то ему вдруг стало нужно получить хоть какой-нибудь ответ сейчас, скорее. Иначе..., а что – иначе?

Может у Ивана спросить. Вот, Иван, не дурак и не сволочь. Он книжек много прочитал, значит, уже решил, наверное, для себя, что такое справедливость. Вот, пожалуй, с кем можно поговорить.

Но как спросить, вдруг получится глупо и непонятно. Как вообще то объяснить, о чём, собственно идёт речь.

Думал он, думал и придумал так. Когда Иван забежал в контору с какими-то очередными делами, Владимир начал издали, для примера, поведал о странном случае с евреем Борей, который угодил сюда из-за нелепой клички. Иван слушал внимательно, но со скучным лицом.

– Он вот прошение написал, – Владимир протянул бумагу.

Иван мельком взглянул на неё и, не долго думая, смял и демонстративно сунул себе в карман:

– На самокрутки пригодится.

– Зачем так?! – вскинулся удивлённый Владимир, поскольку даже не мог предполагать в Иване такого убийственного равнодушия, – не виноват же человек!

– Ну, ты и открыл Америку! Так ты раньше совсем не замечал, что здесь вообще никто не виноват? И даже мы ни в чём не виноваты, – мрачновато и спокойно заметил Иван, но, посмотрев на раскрасневшегося и по-детски набычившегося Владимира долгим взором, почувствовал неладное, замялся, достал бумагу, расправил и с показным почтением положил обратно на стол, – хорошо, попробуй ей придумать другое назначение. Посмотрим, что получится, только башкой сперва поработай.

– Можно же что-то сделать?! – отчаянно взмолился Владимир. Он был готов принять и понять, как ему казалось, любое решение. Но прямо так – с налёту не ожидал встретить такую уверенность в торжестве безнадежности. И не хотел верить, что Иван, может с общей бедой так просто обойтись.

Иван, впрочем, тоже не веселился. Вздохнул и, разглядев ещё раз возбуждённое лицо Владимира, вдруг начал терпеливо и нудно объяснять, почему это дело совершенно безнадежное. Сначала бумагу эту пошлют на какую-нибудь комиссию, где такие прошения мешками выкидывают. Но даже если комиссия пропустит, всё равно всерьёз никто заниматься разборкой не будет. Эту маляву в лучшем случае просто переправят в тот НКВД, где этого хлопчика взяли. Там, конечно, не будут следствие назначать, чтобы правду выяснить и себя придурками представить. Скорее всего, промурыжат полгода, да отписку какую-нибудь придумают. Только здесь, не дай боже, из-за этой бумаги ещё какую-нибудь проверку назначат, раз высунулись.

В принципе Владимир мог бы и сам догадаться о таком исходе дела, но, видимо, не мог себя заставить. Ему претило, что человеческая несправедливость свершившегося была совершенно очевидна. Тогда он прямо заявил об этом Ивану

– Ну и что? – развёл руками Иван в ответ. – А что такое, собственно, твоя примитивная, извини, «справедливость»? Ты представь себе, идёт человек по улице, а ему большая сосулька на башку с какого-нибудь карниза падает. Хлоп – и нет человека. Чего ты скажешь? Справедливо это или нет?

– Ну, так это несчастный случай, – недоумённо пожал плечами Владимир.

– Вот, вот, несчастный случай, и здесь – не повезло этому человеку, другому, третьему. Государственная машина она сама по себе, на конкретного человека обычно не ориентируется. Все мы для неё не люди, а так – мелкие зернышки. Увяз коготок малость, так затянет в жерновки и перемелет по полной норме, как ей хочется. Не бери в голову. Зачем тебе это надо?

– Странно, как ты говоришь, – продолжал горячиться в душе Владимир, – «как ей хочется». Она, что «хотеть» умеет? Словно у неё свои мозги имеются или желаниям. Желания могут быть у человека, у тебя, у меня, а не у государства. Государства его вовсе нет. Это так – фикция. Где оно? Ау-у-у! Кто его видел? Покажи мне хоть его кусочек. Ну, покажи,

покажи! Вот где оно сейчас здесь? Я вижу тебя, стены конторы, столы, стулья, землю на которой живу. Вот даже погоны на тебе вижу, которые якобы государством тебе дадены. Но это погоны. А самого государства я нигде не вижу. Нигде! Где ты, государство?! Слышишь – никто не отвечает... Нет его! Государство – это мы разумные люди, обличённые вымышленной нами же государственной властью, и от нас в конечном итоге всё зависит. Так почему от нас всё зависит так плохо?

– Я тоже так раньше думал. Однако это явление хоть и фикция, но самая, что ни на есть реальность. Оно умеет для себя хотеть нашими мозгами независимо от нас. Вот, ответь, ты сам выжить хочешь?

– Ну, предположим...

– Не «предположим», а точно хочешь. Это хотение в тебе самое основное, – природой заложено. Так в этом твоём хотении есть и частичка его жажды жизни. И никуда тебе от этого не деться. Своей жизни нет, так оно использует твою и мою, и других людей. Оно свои мысли лепит из наших общих мыслей. Из всех мелких желаний оно вырабатывает одно своё собственное, которое ни от кого конкретно не зависит и которое понять никто не в силах. Это особенное и вполне определённое желание, отличное от твоего или моего. Поэтому, если эта скотина, которая на наших желаниях паразитирует, кого-нибудь поймает и сожрать захочет, – это отчасти вопрос невезения. Поэтому лучше не искушать судьбу. Надо постараться отгородить себе душу, если она у тебя ещё осталась, и, если получится, прятаться в кустах от хищника и жить тихо. Так было, есть и будет всегда. А жертву он себе всё равно отыщет. Последнее не от нас зависит, а просто – естественное природное явление. Вот и вся тебе философия.

Как-то всё слишком просто, подумал на это Владимир, не повезло человеку, – несчастный случай, обстоятельства так сложились, «государство» захотело, и изменить ничего нельзя. Всё как в древней трагедии «быть или не быть». Интересно, коммунизм можно построить с таким хищным государством, если плыть только по течению обстоятельств? Что-то слишком много сосулук сыплются на людей в последнее время.

В принципе разговор на том можно было бы и закончить, но Владимир всё же не удержался.

– Вчера тут ещё неприятность вышла, – сказал он, пряча взгляд, – девчонка на регистрации старшине надерзила, а Еменгулов её – на «губу».

– Это та, что валенком запустила? – уточнил Иван, – смелая бабёнка, мне офицеры рассказывали.

– Да...

– А что, тут сложного? – пожал плечами Иван, – посидела денёк в карцере – и хватит. Дело это мелкое, Еменгулову вмешиваться даже не солидно. Если ты был в комиссии, вызови, сделай внушение для порядка, и – в барак. Барак её быстро перевоспитает.

– Мне показалось она не такая как все, – она..., словно смерти не боится.

– Не боится, так будет бояться. «Не такие» люди встречаются крайне редко, – заметил на это Иван, осторожно заглядывая в лицо Владимиру, – побудет человек в зоне день – другой, – тупеет, мельчает, злобой наполняется. Вот тогда ему и окружающим сразу легче становится, понятнее и для себя и для всех. Боль и отчаяние тогда притупляются. Жить он начинает хотеть по-особому. С кем-то это пораньше, с кем-то попозже происходит, но чаще всего неизбежно. Барак тюремный души человечески быстро под себя мнёт. Это не от нас зависит.

– Тогда, хоть что-то от нас зависит?! – взорвался Владимир, – какая удобная и дубовая у тебя философия! Барак у тебя во всём виноват! Открой, наконец, глаза! Барак – это стены и крыша над головой, нары внутри, как он может «мять»?

– Опять ошибаешься, – это как понимать. Барак – тоже живой, такая же роевая «невидимка», как и государство, только помельче и ещё позлее, ибо её специально только для того умные люди придумали, чтобы она могла души человеческие жрать. Каждый человек – сам

по себе человек, когда один. А если собрать людишек в тюремный барак, и заставить проголодаться, так вот из этой смеси легко может получиться этакая невидимая общая гадючья душа, которая ничьей конкретно воле станет неподвластна. Это, помнишь, как в Евангелии; меньше всего Пилат смерти Христа хотел, да только и он вынужден был общей воле подчиниться. «Распни его!» – это крик общей гадючей души. Так ему осталось только руки умыть, – и нет сына божьего. Получается, не по своей воле Пилат это сделал. А вот, если разделить толпу и спросить каждого человека в отдельности, желает ли он смерти конкретно этого невинного ни в чём человека, каждый, скорее всего, скажет, что – нет, с какой, дескать, стати. Вот и получается, что толпа иного, чем каждый человек, хочет. Вся зона тюремная, как раз, такая невидимая гадина и есть. Всё это держится на несвободе и подлости человеческой. Стоит каждому по чуть-чуть в себе Христа продать, так эти невидимки мигом всю эту гадость в себя всасывают до последнего кусочка. И глядь, очень скоро, даже все праведники в дерьме по самые уши.

– По-моему здесь проще дело; есть несчастные люди, несправедливо обиженные. В нашей власти помочь им. Мы здесь власть и справедливость!

– Не заблуждайся так слишком! – наконец-то рассердился Иван, – ты сначала прикинь, сколько тебе эта справедливость будет стоить, а уж потом и решай, стоит ли овчинка выделки. Когда хорошо подумаешь, – пылу поубавится, и, скорее всего, обыкновенно так происходит, тоже «умоешь руки» и станешь как все – частью этой самой гнусной общей души. Извини, если это неприятно слышать. И эта трусливая воля твоя – будет жестокая воля её. А потом, если не повезёт, может, и другие свои желания растеряешь и потом – вовсе всего самого себя по кусочку вместе с ними. И через несколько лет будешь только частью её и ничем другим. Или с ума сойдёшь – вот тебе и весь расклад, выбирай.

– Как это всё мрачно, – усомнился Владимир.

– Ты спросил, – я ответил, – пожал плечами Иван, – с чего ты взял, что я обязан убеждать тебя в чём-то. На самом деле, это глупый и бестолковый разговор. С самим собой бы справится, себя бы как-нибудь уверить в том, что кажется простым и естественным, даже это человеку не часто удаётся, если он не последнее дерьмо. Почему-то люди упорнее всего пытаются убедить окружающих в том, в чём сами не до конца уверены. Думать надо честно. А это, понимаете ли, очень и очень трудно. Пожалуй, это самая трудная задача для человека. Это на столько трудно, что редко у кого получается. Чаще человек сам себе сначала наврёт три короба, а потом, ещё и окружающих старается незаметно исподтишка этим всем вымазать. Оно, быть может, и оправдано как-нибудь в историческом смысле. Только беда в том, что всякая радость на том кончается, остаётся только одно на всех дурацкое веселие.

– Всё это слишком сложно, как ты говоришь. Давай попроще что-нибудь, думаешь, мне надо поговорить с ней? – неуверенно спросил Владимир, думая о своём.

– С «невидимкой» что ли? – рассмеялся Иван.

– Иди ты к чёрту, ты со своей «невидимкой», – огрызнулся Владимир.

– А, – с девчонкой этой? Поговори, поговори, только не бери близко к сердцу.

– А, тебе это легко даётся? – мстительно осведомился Владимир.

– Ты о чём? – встрепенулся Иван.

– Вот это самое, не брать близко к сердцу?

Иван сначала отвернулся, дескать, – глупо и об этом спрашивать.

– А вот, – не знаю, – вдруг обернувшись, заявил он, – ей богу, – не знаю... Сам подумай, как это можно сравнивать, и с чем сравнивать, если каждый человек с этим всегда один и сам по себе. Одно могу сказать определённо, всё дело в привычке. Привычка, как сказал поэт, свыше нам дана. Ко всему можно привыкнуть.

– Это хорошо или плохо?

– Разные бывают привычки, – уклончиво пожал плечами Иван и засобирался уходить.

– А ты про себя как понимаешь? Ты, например, сам «такой» человек или не «такой»? – Владимир спросил по-простому, без всяких задних мыслей. Иван обернулся на пороге и как-то странно посмотрел на Владимира.

– Почему я должен тебе каяться? И не может никакой человек про себя ничего такого определить.

– Почему?

– Почему? Хотя бы только потому, что из любого человека в принципе можно сделать подлеца, – даже самую распоследнюю сволочь, причём так, что он и сам этого не заметит!

И потом захлопнул дверь. Вот и всё, называется – поговорили! Раньше, хоть что-то было определённо, а теперь вопросы множатся, а ответов – никаких.

Прояснилось только одно. Можно сделать «внушение» и – в барак. Что ж, решил Владимир, по крайней мере, в этом сейчас государственное желание не противоречит его собственному. Уверившись в том, он позвал дежурного, и велел привести трудармейца номер Б-3248 из карцера.

Изоolda

В ожидании её прихода он попытался заняться каким-нибудь делом, но не смог. Так и просидел, глядя в одну точку, пока Изоolda не вошла в избу, осторожно ступая через порог. Не дожидаясь приглашения, она устало опустилась на табуретку у стены.

Владимира неприятно кольнула мысль, что она, после этапа, почти сутки на гауптвахте ничего не ела. Однако сначала надо было соблюсти приличия. Он встал, одёрнул гимнастёрку под ремнём и, прохаживаясь взад и вперёд по комнате, начал с того, что сейчас идёт война, всем и везде очень тяжело, на фронте людей убивают. Здесь в тылу тоже не легко, но хотя бы жизнью каждый день рисковать не приходится. Поэтому все должны терпеть и ждать, терпеть и работать, чтобы всё, что можно отдать фронту. В конечном итоге самым главным в жизни сознательного комсомольца должно стать строительство коммунизма.

Изоolda молчала, уткнув взгляд себе под ноги.

– Вы слышите меня? – спросил он.

– Да, конечно.

После того, как он услышал её слабый голос, Владимир начал всё больше и больше сомневаться, то ли он сейчас ей говорит. Он неуверенно прервал свою речь на полуслове. Однако, что же ей надо сказать? Чем ободрить? Больше мыслей никаких не приходило. Пауза затягивалась, и ему пришлось, утратив былую уверенность, продолжить про сознательность, ощущая, как краска противно приливает к лицу. Изоolda продолжала неподвижно сидеть на табуретке, прислонившись спиной к стене, глядя в пол. И неясно было, слушая его, она слышала его? Владимир начал сбиваться и повторяться, делать паузы, не зная, что дальше. Она вдруг очнулась:

– Гражданин начальник, можно вас попросить?

Владимир перевёл дух, слегка обрадованный тем, что она, наконец, сочла возможным о чём-то с ним заговорить.

– Конечно...

Изоolda вздохнула.

– Я не знаю, как сказать, ... у вас это должно быть предусмотрено как-нибудь.

– Говорите, говорите, – с радостной готовностью подбодрил её Владимир.

– Не могли ли вы меня расстрелять? – спросила она словно о деле обычном, – Я не хочу участвовать в вашем «строительстве».

Владимир растерянно уставился в усталое лицо Изоолды. Несомненно, всё было – всерьёз. Простотой этого безысходного цинизма Изоolda никого не обвиняла и на жалость не напрашивалась. Подразумевалось совсем обыкновенное, – один человек должен был выполнить свою служебную обязанность – убить другого человека.

– Я советский офицер..., я не палач! – неожиданно для себя выдохнул Владимир, и сам не узнал своего голоса.

Изоolda испуганно поглядела на него. Не то она ожидала увидеть.

– Простите, ... Я думала..., – она примолкла и опять уткнулась в пол усталым взглядом.

Детский сад, ужаснулся он про себя. К чёртовой матери все эти разговоры, он на идиота больше похож, чем на проповедника. Некоторое время она разглядывала его, а он не знал, что дальше. Про строительство коммунизма говорить невозможно. А другие слова на ум не приходили. Но просто так сидеть тоже нельзя. Он неуверенно открыл ящик стола и достал свёрток. Положил его на край стола ближе к Изоолде и одёрнул руку, с досадой ощущая, как неловко всё это получилось.

– Возьмите, – буркнул он, глядя в сторону

Изоolda настороженно покосилась на предмет.

– Что это?

– Еда это. Вы же давно ничего не ели.

Замасленный кусок газеты сам собою раскрылся, обнажая несколько смятых кусков хлеба. Ах, вот в чём дело!

– Нет! – брезгливо произнесла Изольда отвернувшись, – мне заплатить нечем. Мне уже такое предлагали на этапе, я отказалась.

Владимир опять неловко подтолкнул свёрток к ней ещё дальше на край стола.

– О чём вы подумали? Я ничего не прошу!... Я вас очень прошу, возьмите!

Изольда, вдруг смутившись от этой его неловкости, растерянно подобрала свёрток.

– Спасибо, – тихо ответила она.

У него было такое чувство, что его избили.

– Можете идти!

Изольда медленно встала и направилась к двери. Потянув за ручку, она обернулась.

– А как вас зовут?

– Владимир, – быстро ответил он, но потом спохватился, – младший лейтенант Журавлёв.

Она шагнула за порог, а Владимир, поглядев ей вслед на закрывшуюся дверь, подумал, какое счастье, что всего этого «внушения» никто не видел.

Изольда зашла за угол барака и стала жадно жевать хлеб с салом, дрожа и давясь слезами. Сейчас ей хотелось только есть и плакать.

Еменгулов

На следующий день Еменгулов, к удивлению Владимира, назначил Изольду на кухонные работы в числе нескольких вновь прибывших женщин. Должности, хоть как-то связанные с работой на кухне, считались очень выгодными. Там, по крайней мере, было тепло. Организм меньше расходовал энергии на собственный обогрев, а иногда и харчи какие-нибудь перепали. Поэтому в условиях полуголодного существования любая близость к общей кормушке, к теплу, как минимум, гарантировала жизнь. Тех, кому повезло устроится на такую должность в зоне называли «радостными». Вон «радостный», мля, пошёл, – кивали им в след иногда с неприязнью, но всегда с тоскливым и завидующим взглядом.

Стало быть, суровость на самом деле незлопамятного Еменгулова носила чисто внешний, обусловленный обстоятельствами характер.

Рассудив таким образом, Владимир посчитал важным и правильным стать построже с трудармейцами. Он уже не деликатничал с ними с непривычки, а пытался командовать уверенно и резко. Люди подчинялись. Очень скоро их подневольная покорность даже стала ему нравиться. Через неделю он уже умело, как и другие охранники, покрикивал на пугающихся трудяг, проверял наряды. Поначалу роль начальника становилась всё интереснее. Однако скоро наступил и такой момент, когда эта самая роль как-то разом надоела ему. Однако к тому времени он уже привык к власти. Вот только показное самоунижение трудармейцев перед ним, – перед «начальством» стало вызывать неприязнь и раздражение. Чем больше он втягивался в казённую тоску лагерного быта, тем сильнее хотелось ему глубоких простых и человеческих чувств, а не этих томительных казённых отношений, в которых ему приходилось участвовать.

Появилась у него и ещё одна властная забота. Пользуясь каким-нибудь случаем, он, придумав для самого себя предлог, заглядывал на кухню, чтобы просто посмотреть на Изольду. На кухне было шумно и тепло. Она возилась среди кухарок с кухонной утварью в сером халате, обтягивающем стройную фигуру. Халат был ей широк и сделан из грубой ткани. Однако Владимир других нарядов на женщинах давно не видел. Поэтому он украдкой ловил взглядом тонкую шею и обнажённые по локоть тонкие руки Изольды. Воображение молодого человека быстро дорисовывало всё остальное. Устыдившись собственных мыслей, он торопливо уходил, словно избегая встречи с ней. Потом было трудно сосредоточиться даже на увлекательном романе, буквы расплывались перед глазами, и он только мучился каждую свободную минуту, не зная, как поступить. Тем более, ему то ли казалось, то ли не казалось, когда он входил в столовую, она, опустив взгляд, гораздо внимательнее начинала рассматривать кастрюли. Кажется это ему или – нет? А если не кажется? Эти вопросы вдруг стали волновать его больше всего на свете. Засыпая, он думал об Изольде и, просыпаясь, думал о ней же.

А что же Изольда? Кругом – голод, рабство и смерть, но день становился для неё как праздник, когда высокий стройный лейтенант приходил и, как ему казалось, незаметно посматривал в её сторону. Но она старалась рассуждать мудро, про то, что сейчас надо постараться просто выжить, а там, в недалёком будущем, когда кончится война, когда люди опомнятся от этого кровавого затмения, возможно, придёт какое-нибудь счастье, о котором все мечтают. Изольда пыталась гнать от себя другие мысли, однако её воображение не желало мириться ни с чем. Ей снились томительные сны, в которых она подолгу о чём-то разговаривала с существом, похожим на Владимира. Измучившись во сне, она утром даже не могла вспомнить тему этих разговоров и украдкой плакала в соломенную подушку.

Однажды ближе к вечеру её вызвали в контору на выверку документов. Сначала она с удивлением подумала, почему начальникам для этого дня не хватило. Обычно все такие вызовы случаются утром. Но потом сердце почти замерло в её груди. Регистрацией документов на поселении занимался младший лейтенант Журавлёв. На эту встречу она шла как в полусне.

Однако в конторе её поджидал не Владимир.

Отпустив охранника, который сопровождал Изольду, Еменгулов крутанул ключ в замочной скважине. Затем расслабленно плюхнулся на диван.

– Ну, что, как тебе там, на кухне, работа не тяжёлая? – спросил он, разглядывая её с головы до ног.

Теперь нетрудно было догадаться, зачем её вызвали и о чём будет разговор. С этим к ней уже приставали охранники на этапе, да и уголовники здесь в зоне при случае проходу не давали. Ситуация неприятная, но знакомая. Тут главное не растеряться, или хотя бы не обнаружить собственной робости, внутреннюю силу здесь в зоне уважают. Она здесь второй закон и неразменная валюта, если, конечно, хоть что-нибудь оставалось у человека в промерзающей от мороза и голодной душе.

– Обыкновенная работа, – ровно ответила она.

– Обыкновенная, говоришь? – продолжая разглядывать её, он удивился картинно, как плохой актёр, – обыкновенная работа это болванки на сорокаградусном морозе четырнадцать часов пилить за шестьсот граммов хлеба в день. Глупенькой хочешь прикинуться? А, ты, ведь, не глупенькая, верно? Уже неделю на кухне, отогрелась после этапа, наверное, отдохнула. Хорошо тебе там?

Не дождавшись ответа, Еменгулов поднялся, вытащил из стола бутылку спирта, хлеб и банку тушёнки, разложил всё это богатство на столе, достал огромный нож и стал ковырять банку.

– Ладно, не ерепенься, – миролюбиво заявил он, – я не злопамятный. Поговорить, то с тобой можно? Понравилась ты мне. Не побоялась старшине валенком залепить... Проходи, садись, что стоишь, как бука?

– Я не хочу! – просто ответила она.

Еменгулов вздохнул и понимающе закивал головой.

– Ты это..., пока обо мне не думай плохо. Заметь, я же тебя не пытаюсь обидеть, – он приподнялся и оправил гимнастёрку под ремнём, – просто поговорить позвал, познакомиться. Не захочешь если, – так воля твоя, – иди обратно. Только хорошо подумай сначала. Просто так тебе тут жить не дадут. Таких девок, как ты, хорошо, если охранники подбирают, хуже – если уголовники. Рано или поздно. У них таких харчей не увидишь. Я много раз предлагать не буду. Будешь моя, – будешь жить сытно. Этим я выгодно отличаюсь от обитателей уголовного барака. Та ты хорошенько подумай!

Он встал, подошёл к двери, повернул ключ в замочной скважине и вернулся к столу. Изольда почувствовала, что внутреннее напряжение спало, и засобиралась уходить. Она уже подошла к порогу.

– погоди, – заметив её решимость, вдруг сказал Еменгулов, и Изольда обернулась. Он вынул из ящика два гранёных стакана. – Ладно, прости, что я с тобой так по-простому... ну..., понравилась ты мне. Может, всё-таки, останешься ненадолго. Ну, поболтаем о чём-нибудь, покушаем...

Еменгулов, с этим его огромным ножом, которым он нарезал хлеб крупными ломтями, а потом по-деловому расставляющий стаканы, явно не тянул на героя-любownika, хотя и старался в том преуспеть. Наоборот, он показался ей жалким до смешного. Может, он это и сам понимал, а потому был обижен и сконфужен. И тогда в ней встрепенулась другое чувство, может – простая бабья жалость. Она вдруг подумала, насколько же одиноки бывают люди среди других людей. Даже этому негодяю требуется чья то душа, хотя бы со стаканом водки в придачу. Может, – чёрт с ним. Если он так липнет, – лучше немножко этим воспользоваться. Если от него много зависит, – то лучше не ссориться. Лучше с ним немного водки выпить, чем болванки пилить. С этими мудрыми мыслями она вернулась от порога.

Еменгулов налил ей половину гранёного стакана.

– Мне это много, – поморщилась она.

– Ничего, дойдёшь до барака, – ещё не подействует, – обрадовано и ласково уверил Еменгулов, – здесь близко. Зато потом заснёшь крепко. Ну, за наше более близкое знакомство!

Еменгулов сунул ей в руки стакан, коснулся его своим и залпом выпил. Закусил хлебом с тушёнкой и приготовил такой же кусок для неё. Изольда, давясь крепким спиртом, выпила. Вздохнула, почувствовав давно забытый душистый вкус мяса, и через минуту опять засобира-лась.

– погоди, – властно остановил её Еменгулов.

Он подошёл и вдруг ловко расстегнул ей верхнюю пуговицу на телогрейке:

– погоди! Теперь спешить незачем... Давай!

К пощёчине он был готов, перехватив руку Изольды, а правой ладонью, коротко размахнувшись, наотмашь резко ударил её в висок. Удар был хорошо рассчитан. Изольда опрокинулась назад, упав на диван, покрытый шкурами, и подступившая дурнота сразу лишила её возможности сопротивляться. Он наклонился и стал не торопясь расстёгивать на ней телогрейку. Она даже вскрикнуть не могла. Рванул рубашку, начал мять грудь, распаяясь.

То ли от удара, то ли от ужаса у Изольды хлынула потоком кровь из носа. Она поднесла руку к лицу, которая мигом покрылась густой красной слизью.

– Фу, чёрт! – расстроился Еменгулов. Он резко стащил Изольду с дивана на пол, схватил какую-то тряпку, а начал быстро затирать запачканное место на диване, потом, взглянув на Изольду, разорвал тряпку и бросил половину ей в лицо.

– Утрись!

Изольда оттолкнула тряпку, достала платок из кармана и прижала к носу. Еменгулов безразлично поморщился, не переставая тереть диван.

– Не пачкай пол! Проваливай пока! – буркнул он, подумав, что сегодня это дело не выгорело. Почему-то размягшая душа его хотела не этого; лезть на окровавленную бабу ему явно не хотелось. Было скучно и противно.

Она, едва не теряя сознание, с трудом перевернулась на живот, потом, шатаясь, встала, удерживаясь за край стола. Стены, потолки, диван поплыли куда то в сторону. Кровь из носа хлестала в покрасневший платок. Собравшись, она поплелась к выходу. Морозный воздух, коснувшись её лица, придал ей немного сил, чтобы двигаться домой – к бараку.

Когда она ушла. Еменгулов налил себе и выпил закусив. Рассмотрел пятна крови на полу. Подумал, ё моё! Скоблить придётся, а то пойдут разговоры. Впрочем, разговоры все равно какие-нибудь пойдут, обсмеют ещё суки. Чёрт, какая глупость получилась, сетовал он, быстро хмелея. Минут пять ему пришлось скоблить пол, стоя на карачках. Потом он устало развалился на диване, чувствуя, как горячая волна разливается по организму. Эх, чёрт, сегодня так хотелось чего-нибудь такого... ну, да ладно, ещё не всё потеряно.

– Дневальный! – заорал он.

Прибежал рядовой, дежуривший у входа в контору.

– Приведи-ка эту, как её, ну, помнишь, из третьего барака, скажи на регистрацию, – приказал Еменгулов.

– Спят уже все, наверное, – попытался отбрехаться дневальный.

Еменгулов так зыркнул на него, что тот побежал боком, словно опасаясь пулю вдогонку получить.

Затем, в ожидании, Еменгулов попытался настроить себя на прежний кураж. Однако не получалось почему-то. Даже хмель не помогал. И эту дуру с огромными сиськами из третьего барака совсем не хотелось. Сейчас припрётся, сука, и подол сразу задерёт. Тьфу, бля, – тоска одна. На сегодня вечер был точно испорчен. Вот, стерва!

Девушка пришла с сонными глазами, видать уже от топчана оторвали. Делай скорее что надо, говорил весь её вид, да я опять спать пойду. Еменгулов коротко и яростно глянул на неё.

– Пошла, вон! – рявкнул он сердито и пьяно. Девушка испуганно и недоумённо попятилась к выходу.

Изольда в это время пошатываясь пробиралась к барачнику. Её поташнивало от сотрясения и пьяной одури. Несколько раз падая по дороге, она с трудом добралась до места. В переполненном бараке, пропахшем сладковато-кислым бабьим потом, было темно, все спали. Поэтому не неё никто не обратил особого внимания, ночью многие часто выходили по нужде. Пробравшись на ощупь в темноте, она стянула валенки, скинула телогрейку и ткнулась в жёсткую соломенную подстилку. В темноте ей всё ещё мнилось раскосое лицо Еменгулова, озарённое сладострастным веселием. Давай.., давай... давай..., – омерзительно пульсировала в ушах дробь его пьяного вождения.

Утром, разглядев кровь, бабы не стали её будить на работу, кивая головами с пониманием. Дело было обычное, пускай отлежится девка, она теперь на особом положении.

Владимир и Изольда

В тот день Владимир, сдав дежурство, заглянул в контору, когда день уже близился к вечеру. Ганс, как обычно, бормоча, стучал счётами, перекладывая на столе бумаги.

– К вам приходили, – сообщил он, поглядывая на Владимира поверх очков.

– Ничего, завтра опять придут, – устало морща, нос отмахнулся Владимир от бумажных забот, на сегодня дел хватило, ноги от беготни ныли и в сон уже клонило.

– К вам несколько раз приходили, – замялся Ганс, выказывая неловкость.

– Кто приходил? – наконец насторожился Владимир, учуяв, что всегда уравновешенный Ганс сейчас странно озабочен.

– Девушка одна... спрашивала... – у Владимира сердце сильнее забилося.

– Какая девушка? – переспросил он, хотя почти сразу предположил о ком – речь.

– Изольда из девятого барака, – подтвердил Ганс, – по важному делу, – добавил он с робкой важностью.

Владимир рванулся к двери и столкнулся с Изольдой, стоявшей почти на пороге. Они так поглядели друг на друга, что невольный свидетель их встречи Ганс, крякнув еле слышно что-то под нос, тут же неловко поправил очки и сразу засобирился. Пока он, поджав губы, пытался неловко попасть в рукав телогрейки, Изольда робко вошла. Владимир глядел то на неё, то на суетившегося Ганса. Она молчала отвернувшись. Наконец они остались одни.

Они помолчали, может секунд двадцать, может дольше.

– Скажите, я вам нравлюсь? – тихо спросила она.

Разве мог он долго размышлять? Кто-то внутри его уже давно всё решил за него. Оставалось только подойти и обнять её. Он давно искал случая, чтобы признаться в этом, только никак не мог придумать как. Во всём Берёзовском лагере не было ни одного места, где он перестал бы быть офицером охраны, а она рядовым трудармейцем. Поэтому он боялся, что все те слова, которые он готовил к случаю, вдруг обидят её. Он боялся, что рядом с ней будет непременно чувствовать себя злодеем. Словно он пытался воспользоваться собственной властью. Поэтому, чтобы избежать внутреннего стыда, он мучительно и долго искал слова высокие и достойные, которые никак невозможно было бы истолковать неправильно, со скрытым и недостойным смыслом. Слов таких, находилось очень мало, поэтому подбирал он их с трудом, и всё сомневался, передумывал и откладывал. Но теперь всё вдруг, слава богу, получилось вдруг само собой. Он даже обрадовался этому; молча обнял – и всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.